

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.07

К вопросу о разворачивании военного присутствия ФРГ на Тихом океане

Филипп Олегович ТРУНОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), 117418, Нахимовский проспект, 51/21,

Москва, Российская Федерация

E-mail: 1trunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

ЦИТИРОВАНИЕ: Трунов Ф.О. (2022). К вопросу о разворачивании военного присутствия ФРГ на Тихом океане // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 133–153.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.07

Статья поступила в редакцию 09.10.2021.

Исправленный текст представлен 30.11.2021.

АННОТАЦИЯ. Долгое время Дальний Восток находился «в тени» усилий ФРГ по обеспечению стратегических позиций на глобальном уровне. Тенденция резко изменилась в 2020–2021 гг., несмотря на «замирание» части мирополитических процессов в пандемию. Предпринята попытка объяснить это, используя методы ивент-анализа, изучения структуры диппредставительств и профильного департамента МИД ФРГ. Задачей является исследование особенностей и «узких мест» разворачивания военного присутствия Германии на Тихом океане с фокусом на политико-дипломатическую подготовку процесса.

Рассматривается обращение ФРГ к концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) на доктринальном и практическом уровнях. Однако в реалиях начала 2020-х гг. Германия де-факто активизировала усилия не в ИТР в целом, а на «расширенном» Дальнем Восто-

ке. Данный процесс рассматривается в контексте достижения геополитической и имиджевой компенсации за свертывание многолетнего присутствия бундесвера в Афганистане (2021).

Определен круг ближайших региональных партнеров ФРГ, углубление двусторонних связей с которыми выступает ключевым способом укрепления позиций на Дальнем Востоке. В большинстве случаев значительный экспорт военной продукции ФРГ трансформировался в готовность к сотрудничеству по линии вооруженных сил. Показываются особенности диалога с Японией, Сингапуром, Южной Кореей и Австралией в 2020–2021 гг. Затруднение для реализации планов ФРГ представлял учет позиции США при администрации Д. Трампа. Особенно сложным для Германии уже при Дж. Байдене стал поиск взвешенных форм поддержки США в их конфронтации с КНР. В этом контексте рассмот-

рено направление в Тихий океан первого корабля ВМС ФРГ – фрегата «Бавария» в августе 2021 г. – феврале 2022 г. Особое внимание обращено на фактор вновь возникшего объединения AUKUS.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Германия, Индо-Тихоокеанский регион, Дальний Восток, Япония, Сингапур, Австралия, США, Трамп, Байден, AUKUS.

Свертывание противостояния холодной войны и, как часть этого, образование единого германского государства под эгидой ФРГ (1990) обусловили старт резкой активизации использования политического и особенно военного инструментария за пределами национальных границ. Так, уже в 1993 г. министр иностранных дел Германии совершил прецедентный визит в Австралию и Новую Зеландию. Однако этот шаг свидетельствовал лишь о долгосрочных намерениях Германии, но отнюдь не о реальной возможности обеспечить весомые стратегические позиции на Тихом океане. В данном отношении, не в пример развитию торгово-хозяйственных связей, огромный регион вплоть до конца 2010-х годов был периферийным с точки зрения уделяемого ему ФРГ внимания. Так, за три десятилетия здесь лишь дважды были развернуты миссии бундсвера: медицинская в зоне прекращенного вооруженного конфликта в Камбодже (до 150 врачей и медперсонала, 1991–1992 гг.) под эгидой ООН и мониторинговая в районе землетрясения в провинции Ачех в Индонезии (9 человек, 2005–2006 гг.) в составе сил ЕС [The Bundeswehr on Operations..., 2009, p. 52–55]. Ситуация кардинально изменилась на рубеже 2010–2020-х годов: резкая интенсификация двусторонних политических контактов сочеталась с отправкой первого фрегата в Тихий океан.

Задача статьи – исследовать особенности и «узкие места» появления военного присутствия ФРГ на Дальнем Востоке в начале 2020-х годов в контексте развития политических связей Германии с региональными игроками.

Основными методами избраны ивент-анализ, т.е. изучение значимых шагов официального Берлина политико-дипломатического и военного характера, а также хронологическое наложение, т.е. временное вписывание узкого по содержанию процесса в более общие. Инструментом прикладного анализа стало также изучение современной (начало 2020-х годов) структуры германских дипломатических представительств в регионе и профильного департамента МИД ФРГ. При проведении исследования автор исходил из безусловного примата политических целей, задач и решений над собственно военными.

При рассмотрении действий ФРГ на Дальнем Востоке исследователи фокусировались на изучении торгово-хозяйственной кооперации с региональными игроками, особенно КНР, существенно меньше – политических аспектов [Галимзянова, 2019; Цвык, 2019; Hilpert, 2021]. Признавая факт слабости позиций Германии на Дальнем Востоке, специалисты обращали первоочередное внимание не на действия самой ФРГ, а на влияние курсов региональных игроков, а также держав Запада (особенно США и Франции) на конфигурацию сил в Индо-Тихоокеанском регионе и лишь в таком контексте – уже на интересы официального Берлина [Godement, Wacke, 2020; Heiduk, Wacker, 2021, S. 37–44]. Притом показателен определенный рост интереса к вопросу вовлеченности ФРГ в выстраивание системы «сдерживания» КНР [Dieter, 2021].

Доктринальные и практические основы: приверженность концепции Индо-Тихоокеанского региона

Вслед за США официальный Берлин обратился к использованию концепции Индо-Тихоокеанского региона. Так, на доктринальном уровне это нашло отражение в названии первого (2020) в истории ФРГ документа, определявшего стратегию на Дальнем Востоке, – «Руководящие принципы политики в Индо-Тихоокеанском регионе» [Leitlinien zum Indo-Pazifik..., 2020], – а также «Белой книге по мультилатерализму» 2021 г. [Gemeinsam für die Menschen..., 2021, S. 19–20].

В политико-дипломатическом плане обращение к концепции ИТР в рамках одной (общей) региональной подсистемы позволяло, во-первых, противопоставить отношениям ФРГ – КНР диалог официального Берлина с другой крупнейшей азиатской державой – Индией, который был более дружественным. Уже с мая 2000 г. германская и индийская стороны провозгласили форум стратегического партнерства. Это

оказало определенное стимулирующее влияние на отношения ФРГ – КНР: так, механизмы двусторонних межгосударственных консультаций (со средней интенсивностью встреч раз в два года) в 2011 г. были властями Германии одновременно запущены и с Индией, и с Китаем [Цвык, 2019, с. 215–216].

Во-вторых, обращение к концепции ИТР, т.е. введение в одну региональную подсистему акваторий Индийского и западной части Тихого океана одновременно, существенно расширяло возможности диалога ФРГ с группой стран – участниц АСЕАН, особенно в вопросе обеспечения безопасного морского судоходства.

В-третьих, это сводило в единый комплекс контакты Германии как с ближайшими партнерами непосредственно на Дальнем Востоке (Южная Корея, Япония), так и теми из них в бассейне Тихого океана, что оказывали большое влияние на ситуацию в данном регионе (Австралия, Новая Зеландия). Ряд особенностей политико-дипломатических контактов Германии с региональными игроками представлен в таблице 1.

Таблица 1. Особенности системы дипломатических учреждений ФРГ в странах ИТР (по состоянию на август 2020 г.)

Table 1. The structure of German diplomatic institutions in Indo-Pacific region (State: August 2020)

Страна, формула представительства ¹	Город	Статус учреждения	Численность персонала	Наличие аппарата военного атташе
Австралия 9 = 1 + 1 + 7	Канберра	посольство	до 30	+
	Сидней	генконсульство	до 30	-
Бангладеш 2 = 1 + 0 + 1	Дакка	посольство	до 30	-
Бруней 1 = 1 + 0 + 0	Бруней	посольство	до 30	-
Вьетнам 2 = 1 + 1 + 0	Ханой	посольство	от 31 до 60	+
	Хо Ши Мин	генконсульство	до 30	-

¹ Формула, предложенная автором, следующая: **общее число диппредставительств** = посольство + число генеральных консульств + количество почетных консулов.

Страна, формула представительства ¹	Город	Статус учреждения	Численность персонала	Наличие аппарата военного атташе
Индия 7 = 1 + 4 + 2	Нью-Дели	посольство	от 60 до 90	+
	Бангалор	генконсульство	до 30	-
	Калькутта	генконсульство	до 30	-
	Мумбаи	генконсульство	от 31 до 60	-
	Ченнай	генконсульство	до 30	-
Индонезия 5 = 1 + 0 + 4	Джакарта	посольство	от 31 до 60	+
Камбоджа 1 = 1 + 0 + 0	Пномпень	посольство	до 30	-
КНР 6 = 1 + 5 + 0	Пекин	посольство	свыше 90	+
	Гонконг	генконсульство	до 30	-
	Кантон	генконсульство	до 30	-
	Ченду	генконсульство	до 30	-
	Шанхай	генконсульство	от 31 до 60	-
	Шеньян	генконсульство	до 30	-
Лаос 1 = 1 + 0 + 0	Вьентьян	посольство	до 30	-
Малайзия 2 = 1 + 0 + 1	Куала-Лумпур	посольство	до 30	+
Монголия 1 = 1 + 0 + 0	Улан-Батор	посольство	до 30	-
Непал 1 = 1 + 0 + 0	Катманду	посольство	до 30	-
Новая Зеландия 3 = 1 + 0 + 2	Веллингтон	посольство	до 30	-
Пакистан 3 = 1 + 1 + 1	Исламабад	посольство	от 31 до 60	+
	Карачи	генконсульство	до 30	-
Северная Корея (КНДР) 1 = 1 + 0 + 0	Пхеньян	посольство	до 30	-
Сингапур 1 = 1 + 0 + 0	Сингапур	посольство	от 31 до 60	+
Таиланд 4 = 1 + 0 + 3	Бангкок	посольство	от 31 до 60	+
Тайвань 1 = 0 + 1 + 0	Тайбэй	германский институт в Тайбэе	до 30	-
Филиппины 3 = 1 + 0 + 2	Манила	посольство	до 30	-
Шри-Ланка 1 = 1 + 0 + 0	Коломбо	посольство	до 30	-
Южная Корея (РК) 2 = 1 + 0 + 1	Сеул	посольство	до 30	+
Япония 6 = 1 + 1 + 4	Токио	посольство	от 31 до 60	+
	Осака-Кобе	генконсульство	до 30	-

Источник: [Leitlinien zum Indo-Pazifik..., 2020, S. 65].

Интерес представляет наличие почетных консулов в каждой стране. Неся ограниченную практическую нагрузку, этот институт достаточно объективно отражает степень дружелюбности официальных отношений и взаимного общественного восприятия. Абсолютным лидером по данному показателю является Австралия (7 почетных консулов), а по сути и Новая Зеландия (2) с учетом ее разницы в численности населения с другими региональными игроками. Достаточно велико количество почетных консулов в Японии (4). Это позволяет очертить круг ближайших партнеров Германии в ИТР, состав которого логичен: все эти государства входят в систему «коллективного» Запада, огромной частью которого выступает Евроатлантическое сообщество с органичным участием самой Германии [Gemeinsam für die Menschen..., 2021, S. 12–15]. Примечательно отставание Южной Кореи (всего 1 почетный консул): здесь намерения правительства ФРГ по сближению существенно опережали реально достигнутый к началу 2020-х годов уровень политической кооперации. Исследуемый показатель также подтверждает стремление официального Берлина повысить уровень политического диалога с Индонезией (4), а также отражает разницу в степени взаимодоверия с Индией (где есть 2 данных представителя в дополнение к 4 генеральным консульствам) и КНР (лишь 5 генконсульств и ни одного почетного консула). Здесь необходимо сделать оговорку: фокусирование на институте почетных консулов не работает в случае малого по территории государства: примером является Сингапур, достигший к 2020-м годам высококого уровня взаимодоверия с ФРГ.

В собственно *военном* отношении обращение к концепции ИТР облегчало обоснование применения бундесвера в акваториях Тихого океа-

на. В XXI в. ФРГ активно использовала ВМС для борьбы с угрозами нестабильности – международным терроризмом (в 2000-е – начале 2010-х годов, в рамках операции *Enduring Freedom*) и пиратством (с 2008 г., миссия *ES Atalanta*) – в Аденомском заливе, т.е. северо-западном «стратегическом углу» ИТР [The Bundeswehr on Operations..., 2009, p. 76–77, 95–97]. Опираясь на эти прецеденты, а главное – накопленный опыт, ФРГ подчеркивала готовность передавать его партнерам в восточной части ИТР посредством проведения совместных учений и участия бундесвера в многосторонних миссиях.

Иллюстративным показателем, отраженным в таблице 1, также следует признать функционирование аппарата военного атташе: они работают ровно в 50% из 22 представленных стран. Общим для 11 данных государств является наличие как минимум одного из двух критериев: сильный военный потенциал и/или интерес к импорту вооружений и военной техники (ВиВТ) германского производства. Его объемы в конце 2010-х годов в эти 11 стран, а также Новую Зеландию и Тайвань представлены в таблице 2.

Из числа представленных государств три – Австралия, Новая Зеландия, Япония – входили в число основных союзников США вне НАТО (в табл. 2 выделены *курсивом*). В документации по государствам-импортерам германской военной продукции эти страны шли во втором списке (привилегированные партнеры, но ниже государств – членов ЕС). При этом в Новую Зеландию и Японию объемы поставок ВиВТ невелики: в случае официального Веллингтона это объяснялось небольшой численностью вооруженных сил, а Токио – первоочередной сфокусированностью на развитии собственных военных производств и связями с США. Не изменило тенденции

Таблица 2. Особенности экспорта германских ВиВТ в ряд стран ИТР, млн
Table 2. The features of German military export to the countries of Indo-Pacific region

Государство	Объем в евро			
	2017	2018	2019	2020
Австралия	265,4	434,4	304,3	236,9
Вьетнам	2,5	3,5	5,0	3,0
Индия	131,1	96,8	92,9	48,6
Индонезия	108,0	21,1	201,8	57,0
Китай (КНР)	40,8	12,3	0,7	6,8
Малайзия	32,3	17,6	20,0	3,2
Новая Зеландия	5,4	4,5	2,8	9,0
Пакистан	32,4	174,4	63,3	16,4
Сингапур	90,2	77,5	48,8	243,8
Таиланд	12,6	17,1	57,4	11,6
Тайвань	4,0	9,4	5,4	44,0
Южная Корея	253,7	231,0	372,4	225,0
Япония	14,7	19,3	13,2	18,5

Источник: [Bericht der Bundesregierung..., 2019, S. 86–103; Bericht der Bundesregierung..., 2020, S. 96–117; Bericht der Bundesregierung..., 2021, S. 110–128].

и подписание Японией соглашения об установлении зоны свободной торговли с ЕС (2018).

Ограниченными до середины 2010-х годов являлись и объемы военно-технической кооперации с Австралией, однако эта тенденция резко изменилась во второй половине десятилетия. В 2017 г. официальная Канберра вышла на 5-е место в числе государств – импортеров германской военной продукции, в 2018 г. – на 3-е, в 2019 г. перешла на 7-е, а в 2020 г. в условиях пандемии COVID-19 оказалась на 8-й позиции. Основными статьями военного экспорта ФРГ в Австралию выступали поставки грузовиков, комплектующих для танков и бронированной техники в целом, транспортных вертолетов, а также продажа технологий. Следует подчеркнуть, что пандемия COVID-19 как минимум в 2020 г. не привела к существенному сокращению продаж военной продукции производства фирм ФРГ. Чем обусловлена данная тен-

денция? Официальная Канберра стала принимать возраставшее участие в «сдерживании» КНР, проявляя интерес к импорту комплектующих, готовой техники и технологий стран – участниц НАТО.

Крупным импортером германских ВиВТ – прежде всего оборудования для подводных лодок и большинства классов наземных кораблей до фрегатов включительно, торпед – выступала Индия. В 2017–2019 гг. она неизменно находилась во второй десятке государств – закупщиков военной продукции ФРГ, однако «вылетела» из данного списка в условиях трудностей борьбы с COVID-19 в 2020 г. В случае Пакистана экспорт носил более скачкообразный характер, в основном будучи представлен запчастями для транспортной и боевой авиации.

В случае большинства стран – участниц АСЕАН этот показатель был небольшим еще до наступления пандемии. Исключение, с большой ам-

плитудой колебаний, представляла собой Индонезия, закупавшая у ФРГ надводные корабли (прежде всего минные тральщики) и комплектующие к ним. Стабильно высоким был объем экспорта германских ВиВТ в Сингапур: так, в 2018–2019 гг. он находился на 18-м и 19-м местах из указанного топ-20, а в 2020 г. вышел сразу на 7-е место. Это небольшое государство оказалось единственным в регионе, чей импорт военной продукции ФРГ в условиях пандемии не просто не сократился, но резко возрос. Основными составляющими были поставки танков для армии Сингапура, грузовики, а также комплектующие для подводных лодок. Масштабный военный экспорт в Сингапур с учетом сложности их отношений с КНР также имел де-факто антикитайскую направленность.

Схожая с Сингапуром тенденция наблюдалась в случае Республики Кореи: она активно импортировала германские ВиВТ, особенно запчасти для танков (сами боевые машины – собственного производства), грузовиков, а также подводных лодок. В 2017–2020 гг. официальный Сеул неизменно входил в первую семерку государств – закупщиков военной продукции ФРГ в мире: и в этом случае пандемия не привела к существенному снижению объемов импорта. Почему? Политически Германия стремилась оказывать опосредованное давление на КНДР в вопросе развития ее ракетно-ядерной программы.

Стратегически официальный Бонн/Берлин стремился не допустить распространения ОМУ/ОМП в мире, а также был заинтересован в сокращении запасов единиц ЯО у легальных ядерных держав – прежде всего западных, к числу которых относилась и КНР. С одной стороны, германская сторона до конца 2010-х годов официально не осуждала наращивание потенци-

ала ОМУ Китаем, с другой – масштабные поставки конвенциональных вооружений в Сингапур, Индию (саму развивавшую ядерную программу), а также Южную Корею имели, как уже отмечалось, и де-факто сдерживающую в отношении официального Пекина детерминированность. Примечательны в данном отношении исключительно незначительные объемы экспорта германской военной продукции в КНР. Представляется, что это было обусловлено не только высокой степенью развитости оборонной промышленности континентального Китая, но и обоюдным нежеланием задолго до начала 2020-х годов развивать сколько-нибудь существенное военно-техническое сотрудничество.

Реалии начала 2020-х годов: концепция Индо-Тихоокеанского региона или «расширенный» Дальний Восток?

Как показала практика, стабильно высокий (в т.ч. в пандемию) интерес государства к обновлению парка ВиВТ посредством импорта их образцов из ФРГ становился индикатором и одновременно одной из причин готовности к двустороннему сотрудничеству по линии вооруженных сил. Иными словами, стабильное продвинутое военно-техническое сотрудничество (с закреплением за Германией роли «старшего партнера»), будучи помножено на высокий уровень взаимодоверия в политической плоскости, содержало потенциал трансформации в военно-практическую кооперацию. Что подразумевалось под этим? Речь шла об учреждении присутствия бундесвера в ИТР в согласии с группой ближайших партнеров. Основные задачи данного развертывания: сам факт «демонстрации флага» на Тихом океа-

не (что полноценно осуществлялось в последний раз к началу Первой мировой войны, т.е. более века тому назад), участие в проведении двух- и многосторонних учений, а также соучастие в обеспечении безопасного функционирования морских логистических цепочек, проходящих через ИТР. Официально попытки реализации данной возможности начали осуществляться ФРГ осенью 2020 г.²

В круг фокусных партнеров ФРГ в регионе входили Австралия, Новая

Зеландия, Сингапур, Южная Корея и Япония, притом в ряде важнейших заявлений и концептуальных документов он несколько сужался, что отражено в таблице 3. В ней даты опубликования источников министерств обороны и иностранных дел Германии обозначены обычным шрифтом, концептуальные документы – *полужирным*, страны, через порты которых пролегал маршрут первого официально развернутого в ИТР военного корабля ФРГ, – *курсивом*.

Таблица 3. Определение круга ближайших партнеров ФРГ в ИТР
Table 3. The list of key German`s partners in Indo-Pacific region

Дата	Австралия	Новая Зеландия	Сингапур	РК	Япония
02.09.2020	+	+	-	+	+
16.11.2020	+	-	+	-	-
09.12.2020	-	-	+	-	-
15.12.2020	-	-	-	-	+
09.02.2021	+	-	-	-	+
13.04.2021	-	-	-	-	+
29.07.2021	+	-	-	+	+
<i>Путь фрегата «Бавария»</i>	+	-	+	+	+
10.06.2021	+	-	-	-	-
13.09.2021	+	-	-	-	+

Источник: [Leitlinien zum Indo-Pazifik..., 2020, S. 16; Ein Jahr Indo-Pazifik-Leitlinien..., 2021; Positionspapier..., 2021, S. 4–5].

«Мерцание» в списке таблицы 3 Новой Зеландии, с учетом размера ее военного потенциала, вполне объяснимо – тем более что из указанного списка стран только в Веллингтоне в принципе отсутствовал военный атташе ФРГ.

Факты неоднократных отсутствий Республики Кореи были обусловлены отмеченным выше отставанием скорости подъема общеполитических контактов от развития военно-технического сотрудничества.

Интересен кейс Сингапура: он не присутствует в большинстве строк, включая оба (!) концептуальных документа. Почему? Все остальные государства попадали в категорию партнеров (через США) по линии НАТО, хотя и с разной степенью формализации диалога – иными словами, фактор Белого дома оказывал большое прямое и опосредованное влияние. Иной была ситуация с Сингапуром: он единственный из списка стран в таблице 3 входил

² Bundeswehr soll im Indo-Pazifik mehr Präsenz zeigen // BMVg. – 2020. – November 16. – URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/bundeswehr-indo-pazifik-praesenz-zeigen-4296300> (дата обращения: 25.10.2021).

в состав АСЕАН. А с данным объединением ФРГ стремилась развивать контакт не по линии НАТО, но ЕС, используя форматы АСЕАН+. Развивая де-факто тесное сотрудничество (о чем свидетельствовали не только факт прохождения первого корабля ВМС ФРГ через Сингапур, но и огромные объемы военного экспорта, включая поставки танков и частей ПЛ), официальный Берлин стремился афишировать его дозированной, тем самым выстраивая особый подход к отношениям с этим государством. Данная осторожность среди прочего была обусловлена весьма противоречивым характером отношений Сингапура и КНР: население первого в значительной степени состояло из китайцев, однако в определенной мере Сингапур позиционировал себя как «анти-Китай», притом стремясь не переходить «красных черт».

Примечательно, что круг фокусных партнеров был шире основных государств – импортеров германских ВиВТ в регионе на одну страну – Японию. Почему? Не в пример военному экспорту из Германии официальный Токио был заинтересован в установлении полноценного двустороннего сотрудничества по линии вооруженных сил. Важнейшим политическим знаменателем этого выступало обоюдное желание сторон утвердиться в роли глобальных центров влияния, в т.ч. в области обеспечения мира и безопасности, тем самым отходя от восприятия себя как ключевых агрессоров во Второй мировой войне. Япония первой (еще в 1993 г.) присоединилась к по-

пыткам ФРГ добиться постоянного места в Совете Безопасности ООН. Несмотря на многократные неудачи, в т.ч. в формате G4 (в состав которого вошли Бразилия и Индия), координация действий на данном направлении продолжает обозначаться в качестве одной из ключевых задач внешней политики ФРГ [Leitlinien zum Indo-Pazifik..., 2020, S. 14]. В отличие от бундесвера, японские войска, созданные в реалиях послевоенного мира, к началу 2020-х годов практически так и не приобрели опыта заграничного применения, а потому эти контакты были для них весьма ценны. В свою очередь Германия была заинтересована в надежном партнере, на морскую гавань (или тем более гавани) которого она могла бы базировать военные корабли и проводить частые учения, тем нарабатывая опыт в малознакомых акваториях Тихого океана. С осени 2020 г. переговоры министров обороны Германии и Японии (сочетание виртуальных и очных) стали проводиться каждые 3–4 месяца, притом 13 апреля 2021 г.³ был впервые организован формат 2+2, т.е. встречи министров иностранных дел и обороны обеих стран⁴, что уместно рассматривать как переговорную площадку – «ядро» механизма межгосударственных консультаций.

А уже 10 июня 2021 г. схема 2+2 была официально запущена ФРГ и в случае с Австралией⁵. Как и Токио, официальная Канберра практически неизменно обозначалась в списке региональных партнеров Германии в вопросе кооперации вооруженных сил. К этому времени определились окончательные

3 Этот день – день 80-летия подписания советско-японского договора о нейтралитете в преддверии начала Великой Отечественной войны.

4 Konsultationen der Außen- und Verteidigungsminister Deutschlands und Japans // BMVG. – 2021. – April 13. – URL: <https://www.bmvg.de/de/presse/konsultationen-deutschland-japan-5054610> (дата обращения: 25.10.2021).

5 Militärische Kooperation mit Australien soll ausgebaut werden // BMVG. – 2021. – June 10. – URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/militaerische-kooperation-australien-soll-ausgebaut-werden-5093070> (дата обращения: 25.10.2021).

сроки появления первого корабля ВМС ФРГ на Тихом океане – осень 2021 г.⁶

Соответственно, спустя год со старта официальной проработки данного вопроса в межгосударственных отношениях его реализация перешла в практическую стадию и был определен круг ближайших региональных партнеров, ключевыми из них были де-факто и де-юре признаны Япония и Австралия. Показательна географическая конфигурация этой группы: она означала, что в начале 2020-х годов ФРГ сфокусировала общеполитическое и военное внимание на *«расширенном» Дальнем Востоке* (т.е. с включением сюда Австралии и Новой Зеландии), *а не Индо-Тихоокеанском регионе в целом*. Упор делался на развертывание присутствия ВМС прежде всего в западных акваториях Тихого океана, а восточная и центральная части Индийского рассматривались скорее в качестве огромных транзитных пространств, что подтвердил и обозначенный маршрут фрегата «Бавария»⁷.

Почему? К числу причин относилась очевидная нехватка у Германии политического влияния и военных ресурсов для обеспечения существенных стратегических позиций в огромном ИТР в целом. Прежде всего, сложно говорить о самодостаточности трека отношений официальный Берлин – Нью-Дели в стратегическом отношении: минимальны объемы координации усилий по вопросам безопасности и обороны. Так, данное направление является сугубо вспомогательным в работе формата межгосударственных консультаций⁸. Исключением является лишь коорди-

нация усилий в формате G4. На данном фоне масштабный экспорт германской военной продукции в Индию пока не перерос в заметное по объемам сотрудничество по линии вооруженных сил, хотя в списке портов, в которые первый корабль ВМС ФРГ в ИТР должен посетить с дружественным визитом, значится индийский г. Мумбаи⁹.

Не менее важным представляется иная причина – стремление развести два стратегических направления использования бундесвера: *настоящего* (становившегося в реалиях 2020–2021 гг. *прошлым*) использования бундесвера *в Афганистане*, что было напрямую связано с непростыми отношениями с Пакистаном, опосредованно – и Индией, и *будущего* – *на Дальнем Востоке*. В условиях пандемии и президентских выборов в США ФРГ летом-осенью 2020 г. надеялась на пересмотр Белым домом «стратегической сделки» с «Талибаном», которая предусматривала полный вывод войск США (а следовательно, и всех их партнеров) из Афганистана к 1 мая 2021 г. Приход к власти Дж. Байдена и его первые шаги укрепили официальный Берлин в его надеждах, которые в итоге оказались иллюзорными: Белый дом в апреле 2021 г. принял решение о свертывании присутствия в Афганистане к сентябрю 2021 г., вскоре сдвинув этот срок на июль 2021 г. Однако подобный сценарий не исключался. Косвенное подтверждение тому – структура профильного департамента МИД ФРГ по состоянию на начало 2020-х годов, которая отражена в таблице 4.

6 Indo-Pazifik: Die „Bayern“ auf diplomatischer Mission // Bundeswehr. – 2021. – July 29. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pazifik-fregatte-bayern-diplomatische-mission-5204746> (дата обращения: 25.10.2021).
7 Ibid.

8 Deutsch-Indische Konsultationen. Merkel: „Strategische Partnerschaft vertieft“ // Bundeskanzleramt. – 2017. – May 30. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merkel-strategische-partnerschaft-vertieft--420148> (дата обращения: 25.10.2021).

9 Indo-Pazifik: Die „Bayern“ auf diplomatischer Mission // Bundeswehr. – 2021. – July 29. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pazifik-fregatte-bayern-diplomatische-mission-5204746> (дата обращения: 25.10.2021).

Таблица 4. Структура департамента Азии и Тихого океана МИД ФРГ
Table 4. The structure of Department of Asia and Pacific region German Ministry of Foreign Affairs

Группы подразделений	Название	Функционал (компетенции)
Подразделения внутри управления департамента	AP-B-1	Уполномоченный по Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и зоне Тихого океана, контроль отделов AP 01 – AP 03
	AP-B-2	Специальный уполномоченный федерального правительства по Афганистану и Пакистану Ответственный за Южную Азию и политику в ИТР контроль отделов AP-K, AP 04, AP 05
Отделы	AP-K	Координация действий в ИТР в целом; форум «Азия – Европа», фонд «Азия – Европа»
	AP 01	КНР, Шанхайская организация сотрудничества; страновая группа «Китай»
	AP 02	Австралия, Монголия, Новая Зеландия, Северная Корея, Южная Корея, Япония, малые островные государства зоны Тихого океана; Форум стран Тихого океана
	AP 03	Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины; АСЕАН, региональный форум АСЕАН+, Индонезия, Восточный Тимор; Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
	AP 04	Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивы, Непал, Шри-Ланка; Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации, страновая группа «Индия»
	AP 05	Афганистан, Пакистан, специальная группа по контактам с Кабулом

Источник: Organisationsplan des Auswärtigen Amtes // Auswärtiges Amt. – 2021. – September 20. – URL: <https://www.auswaer-tiges-amt.de/blob/215270/08e1c7354e70e86da480d60494869ed1/organisationsplan-data.pdf> (дата обращения: 25.10.2021).

И внутри управления департамента, и на уровне отделов просматривается стремление к разграничению дипломатической деятельности на афганском направлении и Южной Азии, с одной стороны, и Дальнем Востоке (с включением в него Австралии и Новой Зеландии) – с другой. Еще более отчетливо эта схема «разведения» двух огромных частей ИТР проявилась в военном отношении. Как следует из анализа контента сайта Министерства обороны ФРГ, де-факто развертывание военно-

го присутствия рассматривалось в качестве своеобразного фактора компенсации и даже «замещения» в политическом и имиджевом плане экстренного вывода крупного континента из Афганистана.

Вместе с тем фактор этого стратегического провала стал безусловным триггером, но отнюдь не единственной ключевой причиной резкого роста интереса ФРГ к учреждению военного присутствия на Тихом океане. Это решение лежало в русле логики всей внешней

политики ФРГ. Ее последовательное желание утвердиться в положении мировой державы было априори невозможно без глобализации применения бундесвера. Оно осуществлялось по схеме «региональных кругов»: в масштабном использовании своих вооруженных сил в различных формах официальный Бонн/Берлин последовательно переходил от расположенных вблизи себя пространств (Балканы, Восточная Европа) ко все более отдаленным (Средиземноморье и Ближний Восток с 2000-х годов, Западная Африка с первой половины 2010-х годов). Очевидно, что Дальний Восток не мог стать исключением из данной тенденции – вследствие своих размеров, геополитической и геоэкономической ценности.

Поиск пути между Сциллой союзничества с США и Харибдой нежелания разрыва связей с КНР

Фокусирование на «расширенном» Дальнем Востоке неизбежно резко повышало значимость факторов учета позиций США и КНР, притом на фоне масштабной пандемии COVID-19. Прежде всего, стремление ФРГ вернуть военное присутствие не могло не коррелироваться с состоянием холодной войны между двумя влиятельнейшими тихоокеанскими державами: стартовав при администрации демократа Б. Обамы (к середине 2010-х годов), данный процесс, имея и военное измерение, стал более динамичным в президентство республиканца Д. Трампа (2017–2021), сохранив в основе заданную направленность при Дж. Байдене. С учетом нахождения ФРГ в системе «коллективного» Запада встал вопрос: каким конкретно станет влияние холодной войны на Тихом океане на появление здесь бундесвера?

Необходимо подчеркнуть, что до начала 2020-х годов, т.е. как минимум первое пятилетие возникновения и развития конфронтации США – КНР, германская сторона стремилась избегать в ней участия: так, в июле 2018 г. в весьма дружественном ключе прошли очередные (5-е по счету) германо-китайские межправительственные консультации, что прежде всего было обусловлено взаимной заинтересованностью в развитии торгово-хозяйственных контактов (кроме военно-технических обменов).

В свою очередь, к началу 2020-х годов отношения ФРГ и США проходили исключительно сложный этап развития. Стремясь, по сути, перейти от мягкого лидерства к жесткой гегемонии, 45-й президент США ключевым объектом своего давления внутри Евро-Атлантического сообщества избрал Германию – прежде всего из-за ее превращения в фактически единственную «восходящую державу» внутри последнего. Не в пример предшествующим кризисным периодам отношений двух стран, при Д. Трампе нарастание напряженности проявлялось на различных треках: ценностно-информационном (борьба национал-суверенистского подхода и мультилатерализма), экономическом (таможенно-торговые конфликты), политическом и военном (выдвижение тезиса о «задолженности» ФРГ перед США, декларирование сокращения военного присутствия в Германии). На этом фоне ФРГ не могла обратиться за поддержкой к Белому дому в вопросе развертывания военного присутствия на Тихом океане.

Выход официальным Берлином был найден в опоре на региональных партнеров. Притом если с Японией и особенно Сингапуром обстановка была благоприятной (подтверждение тому – старт зондажа позиций партнеров германской дипломатией именно с них

в июне–ноябре 2020 г., см. табл. 3), то с Австралией изначально возникали опасения, учитывая ее традиционную ориентированность на США и Великобританию, особенно феноменов Трампа и Брексита. На данной фазе (лето–осень 2020 г.) успеху дипломатических усилий Германии содействовали факторы пандемии и предвыборной гонки, отвлекавшие администрацию Д. Трампа от внешнеполитических вопросов. Уже в сентябре 2020 г., т.е. еще в период полноценного президентства Д. Трампа, ФРГ опубликовала «Руководящие принципы политики в ИТР». С одной стороны, это свидетельствовало о вере в опору на региональных партнеров даже без США (что и было отражено в документе) [Leitlinien zum Indo-Pazifik..., 2020], с другой – об исключительной важности данного направления внешней политики в принципе.

Ситуация для Германии резко изменилась в положительную сторону после объявления победителем на президентских выборах в США Дж. Байдена (ноябрь 2020 г.): им был последовательно избран курс на выход из глубокого кризиса отношений с ФРГ, притом США вновь возвращались к мягкому лидерству. Теперь уже реализующееся военное присутствие ФРГ на Тихом океане трактовалось как поддержка США в их холодной войне с КНР. Действительно, в выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности 20 февраля 2021 г. А. Меркель обозначила необходимость выстраивания совместных (с США и государствами-членами

НАТО) стратегий не только против РФ, но и КНР¹⁰. На Брюссельском саммите НАТО (14 июня 2021 г.) германская делегация поддержала возможность использования потенциала Альянса для «сдерживания» КНР¹¹.

Вместе с тем не следует преувеличивать масштабы и степени жесткости участия Германии в холодной войне на Дальнем Востоке с собственно военной точки зрения. Корабль был направлен всего один (с экипажем в 230 человек), не на постоянной основе, притом должен был совершить дружественный заход в порт Шанхая. Еще более важно то, что официальный Берлин не «заморозил» (как в случае с РФ с 2014 г.), но продолжил полноценный диалог с КНР в рамках формата межправительственных консультаций: очередные, 6-е по счету, состоялись в виртуальном формате 28 апреля 2021 г.¹², т.е. на фоне полного восстановления взаимодействия США и самой Германии. А 11–13 июня 2021 г. на очередном саммите G7 (на который были приглашены Австралия, Индия, Южная Корея и ЮАР), во многом посвященном поиску путей «сдерживания» КНР, официальный Берлин занял двойственную позицию: критикуя авторитарный характер режима в Китае, в то же время германская сторона обозначила сохранение интереса к прагматичному торгово-хозяйственному взаимодействию с ним [Dieter, 2021, S. 1–2]. О чём это свидетельствовало? ФРГ безуспешно старается балансировать, участвуя лишь в тех мерах антикитайской

10 Gemeinsame Strategien gegenüber Russland und China entwickeln // Bundeskanzleramt. – 2021. – February 20. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-strategien-gegenueber-russland-und-china-entwickeln-1860302> (дата обращения: 25.10.2021).

11 Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel zum NATO-Gipfel in Brüssel // Bundeskanzleramt. – 2021. – June 14. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundeskanzlerin-merkel-zum-nato-gipfel-in-bruessel-am-14-juni-2021-1928838> (дата обращения: 25.10.2021).

12 Sechste deutsch-chinesische Regierungskonsultationen // Bundeskanzleramt. – 2021. – April 28. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/sechste-deutsch-chinesische-regierungskonsultationen-1898704> (дата обращения: 25.10.2021).

направленности (в основном опосредованных), что не приведут к резкой деградации двусторонних отношений с КНР, притом демонстрируя рост поддержки США. Иными словами, решение сложнейшей задачи по направлению боевых сил в Тихий океан было осуществлено всё же с негативной реакцией КНР и одновременно при растущей поддержке США. Показательно, что, на фоне итогового отказа в заходе в Шанхай, фрегат «Бавария» делает продолжительную остановку на важнейшей военно-морской базе США в регионе Гуам¹³.

Определение типа и характера военного присутствия

Хронологически старт исследуемой активности ФРГ на Дальнем Востоке пришелся на конец июня – сентябрь 2020 г., т.е. она началась на фоне полномасштабного распространения пандемии COVID-19, при этом одним из ее эпицентров с ранней весны 2020 г. стало Евроатлантическое сообщество в целом и Германия в частности. О чем свидетельствует отмеченная политико-дипломатическая и военная активность в условиях затяжной эпидемии COVID-19, приведшей к «замиранию» значительной части мирополитических контактов? Об исключительной важности тихоокеанского направления для политики ФРГ в области безопасности и обороны в целом: в тяжелейших условиях пандемии, с фокусированием на внутренних проблемах сохранение и тем более увеличение (особенно резкое) объемов активности вовне могло быть осуществлено только на *действи-*

тельно значимых векторах. Преодолев «скованность» от пандемии в ходе ее первой волны (весна 2020 г.), руководство ФРГ обратилось летом-осенью 2020 г. к решению острейших проблем в общеполитической и военной областях. Динамизм усилий германской дипломатии по обеспечению развертывания военного присутствия на Дальнем Востоке уже с момента старта свидетельствовал о тщательной и длительной подготовке данных действий; подтверждением тому выступают скорость опубликования (в сентябре 2020 г. и феврале 2021 г., созданы были за 1–2 месяца до этого) концептуальных документов.

Каков был характер учреждаемого присутствия? Необходимо отметить, что речь в ФРГ в начале 2020-х годов велась *исключительно* об использовании ВМС, но отнюдь не других видов войск (армии и ВВС). Почему? Это объяснялось достаточно широким кругом причин. К числу *общеполитических* относится, во-первых, основанное на букве международного права восприятие Мирового океана (т.е. обширнейших акваторий вне территориальных вод) как общего, открытого для всех игроков, пространства. Применительно к Индийскому и особенно Тихому океанам это подчеркивал главный инспектор ВМС ФРГ (высшее должностное лицо во флоте из числа военных) адмирал К.-А. Шёнбах¹⁴. Соответственно, военно-морской тип присутствия должен был как минимум де-юре восприниматься возможными критиками (особенно КНР) менее остро, чем другие формы.

Во-вторых, ФРГ дополнительно обосновывала факт развертывания необходимостью защиты транспортных ком-

13 Indo-Pazifik: Die „Bayern“ auf diplomatischer Mission // Bundeswehr. – 2021. – July 29. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pazifik-fregatte-bayern-diplomatische-mission-5204746> (дата обращения: 25.10.2021).

14 Ibid.

муникаций на море: подчеркивалось, что именно по ним проходит до 90% от всего объема товарооборота межстрановой торговли [Leitlinien zum Indo-Pazifik..., 2020, S. 9]. Соответственно, усилия ВМС ФРГ по патрулированию путей активного следования грузовых судов, где существовала опасность атак пиратов или боевиков террористических группировок, в восточной части Индийского океана и западной Тихого (в частности в зоне Малаккского пролива) рассматривалась логическим продолжением такой же деятельности в Средиземном море и Аденском заливе¹⁵. Вместе с тем наличествовали существенные отличия, притом юридические: в двух последних случаях ВМС ФРГ использовались на основе мандата НАТО и ЕС соответственно, а в Тихом океане лишь с опорой на *неформализованную* поддержку группы государств-партнеров. Иными словами, в случае Средиземного моря и Аденского залива речь шла о юридически зафиксированном принципе мультилатерализма, а для акваторий востока Индийского и западной части Тихого океанов многосторонность была условной, существовавшей лишь де-факто. Это было весьма редким явлением в практике применения бундесвера: демонстрируя признание исторической ответственности во Второй мировой войне, ФРГ стремилась избегать использования вне границ страны своей «военной машины» в сугубо национальном качестве, предпочитая ее применение в составе многонациональных миссий/группировок. Стоит отметить, что при развертывании кораблей ВМС в Малаккском проливе ФРГ в полной мере опиралась лишь на поддержку Сингапура, таковая со стороны

двух других расположенных здесь государств – Индонезии и Малайзии – была условной (хотя, безусловно, их позиция не была отрицательной). Комплекс данных факторов, с одной стороны, способствовал тому, что прецедентное направление боевого корабля в Тихий океан было транзитным, т.е. проходя различные акватории, фрегат нигде надолго не задерживался¹⁶. С другой – эти исключения, на которые преднамеренно пошли власти ФРГ, еще раз свидетельствовали об исключительном интересе к появлению бундесвера на Дальнем Востоке.

В-третьих, отсутствовали возможные международно-правовые основания для развертывания сухопутных сил и/или авиации: на Дальнем Востоке к началу 2020-х годов не было действующих вооруженных конфликтов. К третьему десятилетию XXI в. ФРГ не являлась страной – участницей региональных структур в области безопасности и обороны; отсутствовали и двусторонние договоренности, которые фиксировали бы возможность участия бундесвера в создании многосторонних (хотя бы временных) войсковых соединений и частей. Кроме того, практика создания таковых на Дальнем Востоке, не в пример Западной Европе, была существенно менее распространена. Эти препятствия снимались при использовании ВМС, особенно отдельных кораблей или их небольших групп: краткосрочные дружественные визиты и участие в конкретных совместных учениях требовали наличия лишь принципиальной политической поддержки, реализуемой в виде разовых согласований, не обязательно требуя подведения постоянно действующей правовой базы.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

В-четвертых, для всех избранных партнеров ФРГ в регионе – Австралии, Новой Зеландии, Сингапура, Южной Кореи, Японии и, разумеется, США – морской (у большинства и полноценный океанский) флот являлся важной составляющей военного потенциала в целом, т.е. сотрудничество с бундесвером именно по линии ВМС имело значимое политическое и имиджевое значение.

С собственно *военной* точки зрения выбор официальным Берлином именно флота был обусловлен тем, что в сопоставлении с наземным и воздушным присутствием морское не требовало стационарных военных баз. Разумеется, данное положение наличествовало при условиях разумного срока плавания (обычно в пределах 6–8 месяцев), хорошего технического состояния боевого корабля, т.е. необходимости проведения в худшем случае лишь мелкого ремонта в дружественных портах. Данные требования были соблюдены: фрегат «Бавария» (тип кораблей *Brandenburg*) вышел в море 2 августа 2021 г. с задачей вернуться в порт приписки в конце февраля (7 месяцев), предварительно пройдя тщательный технический осмотр¹⁷. Указанная длительность (несколько более полугода) являлась обычной при использовании фрегатов ВМС ФРГ в различных частях Мирового океана. Сыграл свою роль и фактор пандемии: корабль, представляя собой автономную (на время плавания изолированную от суши) боевую единицу, мог не соприкоснуться в плане контактов личного состава вне его на протяжении всего пребывания в пути, даже участвуя в патрулировании и учениях.

Кроме того, внутри самого бундесвера флот являлся наиболее хорошо подготовленным к выполнению задач на глобальном уровне видом вооруженных сил. 2-я оперативная флотилия предназначалась к использованию преимущественно в дальней морской зоне. В состав данного соединения входили две эскадры фрегатов: 2-я, укомплектованная более современными кораблями типов *Brandenburg* и *Sachsen*, и 4-я, составленная из боевых вымпелов типа *Baden-Württemberg*, а также эскадра судов обслуживания. Именно 2-я оперативная флотилия есть и будет на длительную перспективу единственным (или как минимум основным) соединением в составе бундесвера, ответственным за обеспечение присутствия на Дальнем Востоке.

ФРГ и образование AUKUS

15 сентября 2021 г. было объявлено о создании на Дальнем Востоке военного объединения AUKUS, в которую вошли Австралия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, США. Возникновение AUKUS стало во многом результатом пересечения двух значимых тенденций мирового развития. Это, во-первых, обособление англо-саксонских держав (предшествующими масштабными проявлениями тому во второй половине 2010-х годов стали Брекзит в Великобритании [Besch, 2020, S. 3–4] и феномен трампизма в США), недовольных уменьшением своих роли и веса в «коллективном» Западе в целом и особенно в Евroatлантическом

¹⁷ Ibid.

сообществе¹⁸. Во-вторых, это холодная война на Дальнем Востоке с растущим вкладом не только США, но также Австралии в выстраивании системы «сдерживания» КНР. Сближение трех англо-саксонских держав сочеталось с ослаблением связей Австралии с рядом иных стран Запада. Так, отказавшись от реализации совместного с Францией проекта «Барракуда» по строительстве дизельных подводных лодок (ПЛ) на базе атомных ПЛ «Сюффрен», официальная Канберра предполагает строить АПЛ (без ядерного вооружения) в США [Васильев, 2021, с. 3]. Какую позицию в этой ситуации заняла ФРГ и почему?

С одной стороны, Франция к началу 2020-х годов выступала ближайшим партнером ФРГ из числа «западных держав» (официальные Вашингтон, Лондон и Париж), в т.ч. в эпоху Трампа, и германская сторона не могла не учитывать обеспокоенности партнера. Еще более важно другое: обособление группы англо-саксонских держав, как уже показали Брекзит в случае стран – участниц ЕС и трампизм применительно к трансатлантическим отношениям, сопровождалось критикой и действиями с негативной для ФРГ коннотацией. В данной связи появлялась возможность, что образование AUKUS, особенно в смысле сближения Австралии с США и Великобританией, существенно ослабит «окно возможностей» для сохранения и тем более наращивания военного присутствия Германии на Дальнем Востоке. Кроме того, ФРГ могла лишиться вновь открытого во второй половине 2010-х годов об-

ширного рынка для поставки вооружений и военной техники официальной Канберре. Наконец, возникал вопрос о том, как развитие сотрудничества внутри AUKUS по развитию атомных субмарин станет сочетаться с ролью ФРГ как традиционного экспортера дизельных подводных лодок, двигателей и иных комплектующих к ним для стран Индо-Тихоокеанского региона и мира в целом.

С другой стороны, отношения ФРГ и США при администрации Дж. Байдена демонстрировали взаимное стремление к восстановлению доверия и в целом утраченного при Д. Трампе потенциала. США стали практиковать обеспечение опосредованного доступа партнеров к своему ЯО, притом не только Австралии: в случае официальной Канберры это планируемые поставки АПЛ в неядерном вооружении (но с теоретически вполне возможной их установкой) [Васильев, 2021, с. 3], а ФРГ – проведение совместных с люфтваффе учений по принятию на борт и отработке сброса ядерных боезарядов США с их военной базы в Германии¹⁹. Глубоко символично, что крайняя мера была осуществлена в октябре 2020 г., т.е. в преддверии президентских выборов в США. Идя вразрез с магистральной линией Д. Трампа, оппозиционный ему истеблишмент пролоббировал решение о реализации шага, показывающего предельное доверие к официальному Берлину. Де-юре возможное появление у Австралии ЯО противоречит интересам ФРГ, особенно учитывая ее бессрочные обязательства по отказу от производства, владений и распро-

18 Под Евроатлантическим сообществом автор статьи понимает совокупность стран-участниц и институтов НАТО и ЕС. Понятие «коллективный Запад» представляется более широким, включая также достаточно широкий спектр партнеров США вне НАТО.

19 Минобороны вызвало военного атташе Германии // ТАСС. – 2020. – 23 октября. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/9801899> (дата обращения: 25.10.2021).

ряжения ОМУ/ОМП. Однако де-факто жесткой реакции официального Берлина может и не последовать с учетом мер США по фактическому допуску Германии к их ядерному арсеналу в Европе. Не менее важна и другая причина: ФРГ заинтересована в сохранении или как минимум некритическом ослаблении установившегося сотрудничества с Австралией. И дело не только и даже не столько в продолжении масштабных поставок ВиВТ германского производства официальной Канберре. Представляется, что важнейшей задачей для ФРГ является сохранение высокого уровня взаимодоверия с Австралией с тем, чтобы она содействовала укреплению позиций официального Берлина в ИТР.

Не исключая негативный сценарий, ФРГ всё же будет стремиться к реализации позитивного (в т.ч. «обыгрывая» фактор заинтересованности официальных Канберры и Вашингтона в германском военном присутствии на Дальнем Востоке как хотя бы небольшим и условным), но всё же усиления участия европейских стран – участниц НАТО в конфронтации с КНР. Для сохранения уровня взаимодоверия с Австралией следует ожидать активное обращение к использованию механизма 2+2 встреч глав военных и внешнеполитических ведомств.

* * *

Между июнем 2020 г. и сентябрем 2021 г. ФРГ сделала рывок в развертывании военного присутствия на Тихом океане, притом интенсификация усилий наблюдалась одновременно на доктринальном уровне и в практической плоскости. Показательны активность не только МИД, но и Министерства обороны в углублении двусторонних контактов. Для достижения

поставленной цели был своеобразно «обыгран» фактор пандемии: она была использована скорее положительно, снижая возможную критику появления ВМС ФРГ в регионе.

На Дальнем Востоке ФРГ опиралась, с одной стороны, на таких региональных игроков, как Япония, Сингапур, Южная Корея, используя либо фактор масштабного военного экспорта, либо близости интересов по многим вопросам безопасности для перехода к сотрудничеству по линии вооруженных сил. С другой – фокусирование на Австралии и США, полноценное сотрудничество с которыми в регионе стартовало с опозданием (с зимы 2020/2021 гг., прежде всего из-за трампизма). Германская сторона стремится не допустить превращения фактора AUKUS в препятствие на пути дальнейшего обретения поддержки официальных Канберры и Вашингтона в вопросе усиления позиций ФРГ на Тихом океане.

Однако существует еще большая трудность для официального Берлина: это вынужденная необходимость более четко *на практике* обозначать свою позицию к новой холодной войне между США и КНР в случае сохранения и тем более наращивания объемов присутствия бундесвера в тихоокеанском бассейне. Заинтересованность в последнем останется: отнюдь не случайно возвращение фрегата «Бавария» было заранее запланировано на конец февраля 2022 г., т.е. время, когда в ФРГ должен быть сформирован новый коалиционный кабинет – первый в эпоху «пост-Меркель». Фактом возвращения корабля, выполнявшего значимую дипломатическую миссию, новое правительство Германии направляется действовать в колее, сложившейся в 2020–2021 гг. По всей видимости, официальный Берлин будет более активно участвовать в конфронтации с КНР, однако при необ-

ходимости придерживаясь особого подхода при обсуждении с участием США, региональных игроков, на уровне НАТО реализации чувствительных мер антикитайской направленности.

Список литературы

Васильев В.С. AUKUS еще себя покажет // Военно-промышленный курьер. – 2021. – № 37 (900). – С. 3. – URL: https://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/VPK_37_900.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

Галимзянова А.К. Китайско-германские отношения: стремление к эталону // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 6. – С. 4–10.

Цык А.В. Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: актуальные проблемы и новые возможности // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 4. – С. 210–228. – DOI: 10.31249/ape/2019.04.12.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018. – Berlin : Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. – 112 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. – Berlin : Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. – 128 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020. – Berlin : Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021. – 118 S.

Besch S. Brexit-Verhandlungen im Verteidigungsbereich. Lehren und Perspektiven // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Arbeitspapier Sicherheitspolitik. – 2018. – N 31. – 5 S.

Dieter H. First Summit of the Anti-China Coalition // SWP Comment. – 2021. – N 36 (June). – P. 1–5. – DOI: 10.18449/2021C36.

Ein Jahr Indo-Pazifik-Leitlinien: Eine Bilanz // Auswärtiges Amt. – 2021. – September. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionalschwerpunkte/asien/indo-pazifik-leitlinien-fortschritt/2481664> (дата обращения: 25.10.2021).

Gemeinsam für die Menschen. Weißbuch Multilateralismus der Bundesregierung. – Berlin : Bundesregierung, 2021. – 152 S.

Godemont F., Wacke G. In Richtung einer gemeinsamen europäischen China-Politik – Frankreich und Deutschland vereint. – Berlin : SWP, 2020. – 10 S.

Heiduk F., Wacker G. Vom Asien-Pazifik zum Indo-Pazifik. – Berlin : SWP, 2021. – 48 S.

Hilpert H.-G. New Trade Agreements in Asia // SWP Comment. – 2021. – N 25 (April). – 8 p. – DOI: 10.18449/2021C25.

Leitlinien zum Indo-Pazifik. – Berlin : Bundesregierung, 2020. – 70 S.

Positionspapier: Gedanken zur Bundeswehr der Zukunft. – Berlin : Bundesministerium der Verteidigung, 2021. – 9 S.

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin : Federal Ministry of Defense, 2009. – 120 p.

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.07

On Deploying German Military Presence in the Pacific

Philipp O. TRUNOV

PhD (Political Sciences), Senior Researcher, Department of Europe and America
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
(INION RAN), 117418, 51/21 Nakhimovskiy prospekt, Moscow, Russian Federation

E-mail: ttrunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

CITATION: Trunov Ph.O. (2022). On Deploying German Military Presence in the Pacific. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 133–153 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.07

Received: 09.10.2021.

Revised: 30.11.2021.

ABSTRACT. *For a long time, the Far East was not one of key regions of the FRG's efforts to ensure strategic positions at the global level. The tendency has changed dramatically in 2020-2021, despite the "freezing" the majority of the world political processes during the COVID-19 pandemics. The article explains it, using the methods of event-analysis and the analysis the structure of German diplomatic missions and the profile department of the FRG's MFA. The goal of the article is to study the features and «narrow places» of deployment German military presence in the Pacific (first of all the political-diplomatic preparations of the process).*

The article issues the usage of the Indo-Pacific region concept in FRG's foreign policy at conceptual and practical levels. The author stresses that at the beginning of 2020s Germany really focused not in the Indo-Pacific region as a whole, but in the «extended» Far East. This process is considered in the context of achieving geopolitical and image compensation for the ending of the Bundeswehr long-term presence in Afghanistan (2021).

The present paper shows the key regional partners of Germany. The development of bilateral relations with them has become the key way to provide FRG's military and political presence in the Far East. In most cases, a significant export of German military production was transformed into a willingness for bilateral cooperation of the armed forces. The author issues the features of German political and military dialogue with Japan, Singapore, South Korea and Australia in 2020-2021. The position of the USA during Donald Trump's presidency made German plans difficult to implement. But most difficult for Germany was the search for balanced forms of support for the United States in their confrontation with the PRC already during the rule of Joe Biden's administration. The article issues the dispatch to the Pacific Ocean of the first German military ship that was the frigate "Bayern" (2021, August – 2022, February). Special attention is paid to the factor of AUKUS.

KEYWORDS: *Germany, the Indo-Pacific region, the Far East, Japan, Singapore, Australia, the USA, Trump, Biden, AUKUS.*

References

Besch S. (2018). Brexit-Verhandlungen im Verteidigungsbereich. Lehren und Perspektiven. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, no. 31, 5 S. (in German).

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018 (2019). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 112 S. (in German).

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019 (2020). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 128 S. (in German).

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020 (2021). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 118 S. (in German).

Dieter H. (2021). First Summit of the Anti-China Coalition. *SWP Comment*, June, no. 36, 5 pp. DOI: 10.18449/2021C36.

Ein Jahr Indo-Pazifik-Leitlinien: Eine Bilanz (2021). *Auswärtiges Amt*, September (in German). Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionaleschwerpunkte/asien/indo-pazifik-leitlinien-fortschritt/2481664> (accessed 25.10.2021).

Galimzyanova A. (2019). Sino-German Relations: Striving for a Standard. *Far East Studies*, no. 6, pp. 4-10 (in Russian).

Gemeinsam für die Menschen. Weißbuch Multilateralismus der Bundesregierung (2021). Berlin: Bundesregierung, 150 S. (in German).

Godement F., Wacke G. (2020). *In Richtung einer gemeinsamen europäischen China-Politik – Frankreich und Deutschland vereint*. Berlin: SWP, 10 S. (in German).

Heiduk F., Wacker G. (2021). *Vom Asien-Pazifik zum Indo-Pazifik*. Berlin: SWP, 48 S. (in German).

Hilpert H.-G. (2021). New Trade Agreements in Asia. *SWP Comment*, April, no. 25, 8 S. (in German). DOI: 10.18449/2021C25.

Leitlinien zum Indo-Pazifik (2020). Berlin: Bundesregierung, 70 S. (in German).

Positionspapier: Gedanken zur Bundeswehr der Zukunft (2021). Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 9 S. (in German).

Tsvyk A. (2019). Strategic partnership of Germany and China today: Current problems and new opportunities. *Urgent problems of Europe*, no. 4, pp. 210–228 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2019.04.12

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad (2009). Berlin: Federal Ministry of Defense, 120 pp.

Vasilyev V. (2021). AUKUS will show itself. *Military industrial courier*, no. 37, p. 3 (in Russian).